

ства направленное «оправданіе меча» (при чемъ авторъ даже ссылается на неизданную еще Ильинымъ книгу «Оправданіе права») и ни слова не говорится о томъ, что еще раньше Ильина «оправданіе права» и «оправданіе меча» были даны тѣмъ же Вл. Соловьевымъ («Три разговора» и «Право и нравственность») и при томъ именно съ помощью «ситуаціи», а не «діалектики», которая у И. Ильина вырождается въ самую дурную казусишку. П. Чаадаеву посвящается нѣсколько строкъ, меньше, чѣмъ А. Блоку, Б. Пастернаку и В. Маяковскому, въ поэзіи которыхъ авторъ открываетъ слѣды гегелевскаго вліянія, и меньше, чѣмъ полемикѣ съ Б. Яковенко, никакого объективнаго значенія не имѣющей. Въ изложеніи взглядовъ А. Хомякова совершенно не упоминается принципъ «соборности» (позднѣйшее «всеединство» Вл. Соловьева) и безъ всякаго разсмотрѣнія остаются социальна-правовые взгляды славянофиловъ, которые въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ ихъ религіозные взгляды, обуславливали отталкиваніе славянофиловъ отъ гегелевской философіи и позднѣйшей отходъ отъ Гегеля славянофиловъ-гегельянцевъ, К. Аксакова и Ю. Самарина. Правъ Ю. Айхенвальдъ, указавшій, что развитіе В. Бѣлинскаго (отъ философіи нѣмецкаго идеализма къ материализму и отрицанію всякой философіи) шло путемъ, противоположнымъ «нормальному». Но, при всей правильности общей оцѣнки авторомъ роли В. Бѣлинскаго, несправедливо видѣть въ этомъ результатъ одной только «несамостоятельности» и «чисто пассивной воспримчивости» Бѣлинскаго. Въдѣ такое же самое развитіе продѣлали и М. Бакунинъ и А. Герценъ. И какъ разъ передъ философско-историкомъ стояла бы задача показать, почему «духъ времени» ушелъ отъ Гегеля и ушелъ именно въ направленіи сниженія уровня философской мысли и отрицанія философіи, и не было ли внутри самой философіи Гегеля опасности позднѣйшаго срыва. Мы привели лишь нѣсколько примѣровъ капризности изложенія Ч., значительно портящей его въ общемъ превосходную книгу.

С. Гессенъ.

В. Станкевичъ. Динамика міровой исторіи. Парижъ, 1934.

Потребность переосмыслить исторію, пересмотрѣть сложившіяся за еще бывшее на нашей памяти и съ такой быстротою отошедшее время историческія концепціи, переоцѣнить завѣщанныя прошлымъ цѣнности, столь же настоятельна и необходима сейчасъ, какъ его глѣтъ тому назадъ, послѣ первой Революціи и первой міровой Войны. Но сейчасъ это невѣроятно трудно: такъ усложнились наши представленія объ историческомъ процессѣ и такъ разросся матеріалъ, который полагается уложить въ рамки синтетическаго обзора Того, кто отваживается на это, подстерегаетъ всяческой опасности. Примѣромъ можетъ послужить книга В. Станкевича «Динамика міровой исторіи». Судя по заглавію и по подбору матеріала, книга должна представлять собою опытъ философскаго истолкованія общаго смысла нѣсколькихъ кульминаціонныхъ пунктовъ духовнаго развитія человѣчества. По замыслу автора, такъ сдѣланный обзоръ историческаго процесса долженъ послужить обоснованіемъ оптимизма.

«Передъ нами золотой вѣкъ!» — такъ называется заключительная глава. Авторъ доказываетъ — и въ этомъ онъ, конечно, правъ — что успѣхи точной науки, техники, машиннаго производства сами по себѣ огнюдь не являются причиной современнаго кризиса, безработицы, хозяйственнаго, общественнаго и политическаго хаоса; что стоить людямъ открыть глаза на то, какъ легко и какъ просто можно было бы сейчасъ все уладить — и все пойдетъ по иному. Но онъ даже не ставитъ вопроса: почему-же, все-таки, современный человекъ не видитъ самыхъ, казалось бы, очевидныхъ истинъ? И что надо сдѣлать, чтобы заставить его прозрѣть?

Мысль автора движется по линіи наименьшаго сопротивления. И сейчасъ все обстоитъ не такъ ужъ плохо, и будущаго страшится нѣтъ основаній. Мировая война никого не поработила, напротивъ, — освободила цѣлый рядъ народовъ. Новой же войны можетъ быть и не будетъ. Если-же будетъ, то она «задѣнетъ только воюющихъ», Допустимъ, что она разовьется въ мировую войну. И это не бѣда: отъ воздушныхъ и газовыхъ атакъ «погибнутъ города, а деревни останутся менѣе всего затронутыми». Такимъ-же способомъ авторъ справляется и съ соображеніями Шпенглера насчетъ опасностей духовнаго порядка, грозящихъ европейской культурѣ: сколько, кромѣ европейскіхъ, есть еще другихъ народовъ, пріобщившихся къ европейской цивилизаціи! Эти разсужденія автора наводятъ на мысль: не мистификація-ли все это? Не сатира-ли на оптимизмъ? Не опытъ-ли новаго Кандида? Въ пользу этого говорить и рѣчь автора, словно пародирующая рѣчь зошенскаго неунывающего человека.

Однако, если прочесть книгу В. Станкевича цѣликомъ, подозрѣніе отпадаетъ. Авторъ несомнѣнно серьезенъ и пишетъ съ полной убѣжденностью. Въ чемъ его слабость, это выдаетъ одно — предательское — мѣсто, тамъ, гдѣ онъ говоритъ о новыхъ условіяхъ человѣческаго счастья, однимъ изъ каковыхъ является радио: «Никакля домашняя музыка не давала намъ и малой возможности такъ приспособить ее ко всѣмъ состояніямъ своей (?) души, какъ при помощи современнаго радио съ его обширной и разнообразной программой, при чемъ мы можемъ ...слушать въ любой обстановкѣ, при любомъ занятіи, въ любомъ положеніи...» Эти слова, не требующія поясненій, показываютъ, какъ понимаетъ авторъ проблему культуры и тѣмъ самымъ проливаютъ свѣтъ на основанія и характеръ его оптимизма. Но тогда непонятно, почему авторъ удѣлилъ, въ первыхъ главахъ, такъ много вниманія проблемамъ религіознаго развитія человечества — пригомъ грактуя ихъ, казалось-бы, опюдь не по «вольтерянски». Впрочемъ, и здѣсь находимъ одно предательское мѣсто, то именно, гдѣ авторъ говоритъ о возможности прослѣдить путь, служившій сперва лишь «лазейкой», но потомъ превратившійся «въ триумфальную арку, черезъ которую человечество изъ-подъ власти сухихъ, безжизненныхъ догматовъ вышло на свободу свѣтлаго и просюрнаго царства природы. Съ полной очевидностью этотъ переходъ изъ-подъ власти мистическихъ потустороннихъ видѣній къ чудесамъ матери-природы мы можемъ прослѣдить по исторіи живописи»

си и скульптуры...» Итакъ, «сухіе догматы» и «мистическія видѣнія» это, для автора — одно и то же. Это даетъ мѣрку его освѣдомленности въ области философіи и религіи и служитъ объясненіемъ, къ чему заключается одна изъ опасностей, угрожающихъ работающимъ надъ проблемой историческаго синтеза, о которыхъ шла рѣчь выше.

П. Бицилли.

Alexander Kerensky. The Crucifixion of Liberty. Translated by G. Kerensky. London, Arthur Barker.

Въ заключительной главѣ своего труда А. Ф. Керенскій самъ указываетъ, что трудно опредѣлить, къ какой именно рубрикѣ библиотекъ должно отнести его книгу: «Это не теоретическій трактатъ, не историческое изслѣдованіе, и не мемуары въ тѣсномъ смыслѣ слова».

Во всякомъ случаѣ, книга весьма интересна. Ея авторъ — человѣкъ очень даровитый. Большой ораторскій талантъ А. Ф. Керенскаго сказывается и въ его публицистикѣ, но въ этой книгѣ онъ и взялъ на себя собственно роль защитника. «Кто не защищаетъ свободы вездѣ, не защищаетъ ее нигдѣ», — говоритъ онъ въ концѣ своего труда. Теоретически это совершенно вѣрно. Въ дѣйствительности же мы, къ несчастію, видимъ, что людей, защищающихъ свободу вездѣ, становится въ мѣрѣ все меньше. Я не знаю, послалъ ли А. Ф. Керенскій свою книгу Леону Блюму, — вѣроятно, не послалъ. Но если-бъ глава французскихъ социалистовъ пожелалъ ему отвѣтить искренно, то онъ сослался бы именно на крушеніе 1917 года: защищать свободу «вездѣ» недурно, но для ея защиты (да и для успѣха на выборахъ въ парламентъ) необходимо обрататься на массы, а французскіе, бельгійскіе, англійскіе рабочіе и крестьяне вполне равнодушны къ страданіямъ русскаго народа и къ отсутствію свободы въ Россіи, ничего не подѣлаешь! — Разумѣется, можно быть совершенно спокойнымъ: никогда Леонъ Блюмъ и подобные ему такъ не опифѣятъ; скорѣе всего они будутъ просто замалчивать книгу, написанную ихъ бывшимъ единомышленникомъ, — это всего удобнѣе.

Я, конечно, не имѣю никакой возможности говорить въ краткой рецензії о событіяхъ 1917 года. Расхожусь съ А. Ф. Керенскимъ въ нѣкоторыхъ основныхъ положеніяхъ. Думаю, напримѣръ, что революцію сдѣлала война; авторъ книги это отрицаетъ. Только война и дала большевикамъ возможность захватить власть. Чтобы сохранить въ Россіи свободный строй, надо было заключить миръ, а этого, кромѣ большевиковъ, никто у насъ тогда сдѣлать не могъ: политическая необходимость была психологической невозможностью. По сравненію съ этимъ основнымъ фактомъ, отходятъ на второй, если не на третій, планъ всѣ отдѣльныя ошибки: какъ тѣ, которыя вѣнчаются обычно въ вину А. Ф. Керенскому, такъ и тѣ, которыя онъ самъ вѣнчаетъ въ вину своимъ русскимъ противникамъ и бывшимъ союзникамъ Россіи.

Роль союзниковъ! У насъ есть достаточно оснований не слишкомъ ими восторгаться, но будемъ справедливы. «Разумно ли было», —